

Серафим ВВЕДЕНСКИЙ

АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЕ

Я не умею мелодию вылавливать из струн.
Чтобы простыть, мне достаточно постоять на сквозном ветру.
Музыкальная дорожка моей жизни не содержит фанфары,
наверное, где-то дало сбой спущенное колесо сансары.

Я четыре года работал в морге ночным санитаром,
видел воочию, к чему приводит глупость, судьба и старость.
Теперь работаю поваром: варю яичницы, жарю борщи.
Такого кулинара, как я, днем с огнем поищи.

Мои достижения кому-то крайне смешны.
Я не сторонник агрессии, радикальных взглядов и прочей войны.
Толерантен, улыбчив, пунктуален, будто я д'Артаньян.
Ненавижу расизм и по соседству живущих двух обезьян.

Мне часто хочется забить на всё, как продуктами холодильник.
Но я продолжаю ждать своего часа, словно будильник.
От денег не открещиваюсь, но материальную выгоду ни в чем не ищу.
В детстве верил, что «Чип и Дейл» придут на помощь «Черному плащу».

В подростковом возрасте мне вырезали аппендицит.
Пью водку, аргументируя тем, что душа болит.
Люблю под проливным дождем ездить за рулем автомобиля.
В одежде не придерживаюсь какого-либо стиля.

Слава богу, я не знаю, кто прав, и тем более, кто виноват.
Мне все равно, кто должен сложить свой мандат.
Я не понимаю: это происходит со мной во сне или наяву.
Но любовь в моем сердце позволяет держаться еще на плаву.

ВОЗДУШНЫЙ ОВРАГ

В понедельник утром я был в гостях у Далай-ламы
и спросил его так:
«Если существуют на небе воздушные ямы,
значит, где-то есть и воздушный овраг?»

Серафим Сергеевич Введенский родился в 1984 году в Уфе. Учился в Литературном институте им. А. М. Горького в Москве. Публикации — в интернет-журналах «Сетевая словесность», «Кольцо А», в журнале «Москва». В 2016 году издал дебютную книгу «Текстовые сообщения».

Он сидел неподвижно в позе лотоса
и как бы смотрел сквозь меня.
Затем ответил вполголоса:
«Как может в такой маленькой голове
поместиться такая большая фигня?»

И ударил бамбуковой палкой
по голове сильнее, чем бабушкина брага.
Затем засмеялся во весь голос,
вспыхнул звездой яркой,
взлетел
и скрылся за воздушным оврагом.

ПОСТУЛАТ БЕНДЕРА

Как бас гудит действительность в мозгу
и кружатся над нашим миром мухи.
Я разобраться в жизни не могу, —
меня спасут скорей блэк-джек и шлюхи.

Отрадно думать о большой любви,
преподавая секс в публичном доме.
А Мир, как запах, еле уловим,
когда твое сознание будто в коме.

Как ставни распахни свои глаза
и выброс эндорфинов станет чаще
и по щеке пизанская слеза
сорвется тихо вниз, как символ счастья.

И вскоре опадет с деревьев шок.
Припадки желтого пройдут, как слухи.
Нам холст событий преподаст урок.
Ну а пока одно – блэк-джек и шлюхи.

ЛЕСТНИЦА ИАКОВА

Мой сосед по лестничной клетке Иаков,
живет будто аскет,
ходит в трико.
Ловец человеческого вайфая и денежных знаков,
плюс мастер проходить сквозь игольное ушко.

Когда световые элементы в люстре моей надежды потухли, —
я пошел просить лестницу Иакова.
А за окном витали дым ли,
пыль ли,
дух ли.
В общем, смотрелось это все на мой взгляд одинаково.

Я постучал в дверь.
Иаков не сразу услышал.
Открыл.
Лицо его выражало боль от судорожной пьянки.
Говорю: «Дай мне лестницу свою, чтоб по ней подняться выше!»
А он: «Прости, брат, у меня только стремянка».

КАМНЕПАД

Сидели мы в подъезде с пацанами
и крыли шифером Мир вокруг себя скабрзными словами.

Стаканчик с топливом гулял по кругу,
ввиду того, что праздник красным обведен в календаре.
Из топлива была «Белуга».
По мере потребления ширилось, росло амбре.
Играли в секу.
Короче, жили мы наперекор сегодняшнему веку.

К нам с верхних этажей спустился человек в халате и венке.
На вид лет тридцать.
Бородат.
Тихонько встал невдалеке.

Он был индифферентен нам.
И мы его не замечали.
Тем временем, как камикадзе, снег летел в окно.
«Белуга» кончилась.
Пришлец открыл за пазухой лежавший «Аква минерале»,
но полилось в стаканы плотной ниткой красное вино.

Незамедлительно мы выпили.
И разом замолчали.
Мы что-то поняли.
Пришлец смотрел на нас
глубокими очами.

И пониманье пулей прилетело сквозь кумар,
застыв в подъездной тишине,
как будто кончился в часах песок.
Пришедший нам сказал: «Ума
сегодня через край, а состраданья нет».
И снял венок.

Он, мило улыбнувшись, пошел по лестнице назад.
Тем временем погиб весь снег.
И начал низвергаться камнепад.

НАТЮРМОРТ

Народный депутат пришел в гости к народному артисту.
Сели трапезничать в гостиной.
В гостиной было светло, просторно и чисто,
мебель из красного дерева, камин, два торшера, картины.

Домработница подала на стол скромные яства:
blanket из телятины, консоме, терин, заливное из осетрины
на золотом подносе тридевятого царства.
На десерт фаршированные малиновой икрой мандарины.

После трапезы сомелье преподнес с вином бархатистым
сыр с голубой плесенью небосвода.
Народный депутат в гостях у народного артиста
были так далеки от народа.

А где-то за МКАДом, не доезжая пятнадцать верст до Тулы,
в хибарке, сидит народный поэт на табуретке.
От новорожденных рифм ему адски сводит скулы,
но он продолжает есть жадно лапшу со вкусом креветки.